

Алексей Шахторин

АНТРАКТ

В человеческом

ТЕАТРЕ

18+

Алексей Шахторин

Антракт в человеческом театре

<https://litres.ru/74360013>

SelfPub; 2026

Аннотация

Декорации меняются, но не Человек.

Девять рассказов – девять героев на пути к своей цели. Один учится

видеть заново, но первое, что замечает – собственное рабство.

Другой

погребён на дне океана, а третий... третий и сам не знает, готов ли он

заплатить за исполнение своих желаний. В конце концов, даже роботу что-то нужно.

Каждая история будет предельно честна. Не будет счастливых развязок, мёртвые останутся мёртвыми. Вы будете привязываться к

героям, будете их терять. Делает ли это их менее живыми? Вам решать.

Содержание

Предисловие к текстовой версии	4
Человеческий театр	6
Ничего	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Шахторин

Антракт в человеческом театре

Предисловие к текстовой версии

Этот сборник родился из бесчисленного количества замечток и наблюдений. Каждая из них бережно хранилась и вместе с тем росла, проживала свою удивительную жизнь. Только один вопрос не давал мне покоя: когда остановиться? С каждым разом истории получались всё лучше, но в какой момент они будут по-настоящему готовы? Ответом на этот вопрос стал сборник рассказов.

Многое пришлось убрать. Что-то не подходило, что-то не хотело притираться к остальному материалу. Герои отказывались подчиняться моим планам, снова и снова рушили замыслы, но всё же находили свой уникальный путь. Мне оставалось только записывать и наблюдать.

Вместе с этими вымышленными людьми я провёл много дней и ночей, проживал их чувства, понимал их и, как мог, пытался им помочь. Теперь, пройдя бок о бок с ними нелёгкий путь, я могу с уверенностью сказать, что рассказы готовы. А я чувствую себя в долгу перед ними и не могу остав-

лять их и дальше пылиться среди заметок.

Почему театр?

Это, наверное, последнее, что нужно уточнить, перед началом. Вы увидите декорации разных миров: какие-то мрачные, какие-то карикатурные, а где-то и футуристические. У каждого — свои правила и свои герои, которые этим правилам следуют или им противостоят. Судьба не всегда будет благосклонна к персонажам, но если вы устроитесь поудобнее и впустите их в себя, то так же, как и я, сможете в каждом из них увидеть человека.

Приятного чтения!

Человеческий театр

Ночь выдалась безлунной, каменную мостовую освещали только фонари. Поток нечистот смыло проливным дождём, но едкий запах не спешил покидать тесные улицы. Люди укрылись в своих домах, пока крысы шуршали в полутёмных закоулках.

Алистер взглянул на часы: стрелка заканчивала круг, неумолимо приближалась к двенадцати. До начала оставалась всего пара минут. Он завернулся в пальто, морщась от противного смрада, поспешил ко входу. Это представление он не мог пропустить.

Старый театр пустовал, пока на смену прежнему директору не пришёл новый. После этого по городу поползли слухи: поговаривали о причудливых фигурах с шестью руками, парящих над сценой слонах и о подвижной конструкции, которую немые работники выстраивали под надзором нового руководства. Правда становилась неотличимой от вымысла. Неудивительно, что в кассе никогда не было билетов.

Алистер давно за ними охотился, и пару дней назад ему, наконец, улыбнулась удача. Возвращаясь с квартирника, он повстречал на улице прохожего. Незнакомец, пошатываясь, приблизился, опустил голову в знак приветствия. Алистер думал обойти его, не хотел проблем среди полумрака ночных улиц, но тот спросил:

— Который час?

Услышав ответ, прохожий поклонился и исчез в темноте. Только на грязной мостовой, там, где он ещё недавно стоял, белели два новеньких билета. Человеческий театр, главная сцена. Странно, Алистер никак не мог вспомнить лица незнакомца... Впрочем, это было неважно: он давно искал повод пригласить Клэр, а обстоятельства сложились как нельзя лучше.

Когда впереди показались ступени, он и вовсе забыл о прохожем, поспешил наверх. Скрипнули массивные двери — на землю упала полоска света. Величие старого театра завораживало. Красные гардины скрывали ряды высоких окон, под потолком нависал золотой канделябр. Марши полукруглых ступеней поднимались вверх, резными перилами очерчивали второй этаж. Всё это великолепие стерегли статуи древних муз. Они прятались в малых нишах, выглядывали из полумрака. Невинные лица хищно скалились, напоминая об агонии людей, поддавшихся их беззаботному пению.

Алистеру стало не по себе: статуи будто ощупывали его холодным взглядом, каменными пальцами скользили по коже, желая впиться в него своими маленькими клыками.

Он достал билет, торопливо стянул пальто, осмотрелся в поисках служащих. Никого.

— Началось, — произнёс он упавшим голосом и поспешил в зал.

Внутри царил полумрак. Газовые лампы освещали зана-

вес, тусклым светом играли на лакированных подлокотниках. Красным пестрела обивка пустых кресел.

«Отменили?» — подумал Алистер, оглядываясь по сторонам.

Он всерьёз хотел уйти, но вдруг услышал с балконов тихий шёпот — слова растворялись в воздухе, превращаясь в бессвязное бормотание. Он поднял голову, но увидел только очертания фигур, которые, подавшись вперёд, смотрели на сцену. «Они тоже чего-то ждут...» — Алистер потоптался немного, в сомнениях пошёл к своему месту. В этот момент грянула музыка — оркестр заиграл вступительную партию. Представление началось.

Открылся занавес. Показался деревянный помост, белые колонны, каменная кладка стен. Прожектор осветил сцену, выхватил из полумрака массивное дубовое кресло. Вышел человек в жёлтом одеянии. В руках — золотой кубок, на голове — корона. Морщины, пухлые бледные губы, серые глаза... На лице застыла маска отрешённости. Он был первым после Бога на этой земле.

Властитель занял своё законное место, обратился к публике:

Отчизна наша небогата,
Не славят нас раскидистых садов цветы,
Не любят нас за медь иль злато,
Но ценят за умельцев щедрые дары.

Вслед за королём высыпали люди: стражники, лакеи, придворные советники. Они то сгибались до земли, то кружились, почтительно опустив головы. Разноцветные мантии перемешались с латными доспехами, бряцали ножны парадных мечей.

Только один человек не танцевал. Своими белыми одеждами он выделялся из пёстрой толпы, казался отрешённым от мирских забот. Вместо пояса на его талии была повязана толстая верёвка. Он вышел вперёд, стукнул посохом. Актёры замерли, воцарилась тишина.

Простите мне большую дерзость,
Но вашему величеству пора решать,
Кто станет во главе страны на смену,
По праву крови будет нас оберегать.

Придворные закружились вокруг трона. В руках у них появились роскошные портреты: образы прекрасных дочерей соседних стран. Красавицы со всех земель выглядывали из-под золотых рам, манили короля к себе.

Пора правителю принять обязанность отцовства,
Пора избранника зачать и взять себе жену,
Пора народу показать, кто вам придёт на смену,
Кто примет королевство, как судьбу свою.

Монарх вскинул руку, и жрец лишился голоса. Даже ор-

кестр перестал играть, повинуюсь воле правителя. И всё же властитель не злился. Он смотрел на прекрасных дам, а лицо его омрачала тоска. Он повернулся к залу:

Упрочить род свой — обязанность моя
Как короля, как мужа и отца,
Но дочери моих соседей вновь
Зажгут огонь войны, на миг угасший.

Над правителем пролетели чёрные птицы. Вороны. Сквозь хлопанье крыльев лязгнул металл, послышались стоны умирающих. Птицы несли с собой эхо прошедшей войны.

Соседи наши издавна враждуют,
И, наконец, объявлен шаткий мир,
Но свадебный обет разбудит
Для воронов кровавый пир.

Птицы улетели. Оркестр меланхолично поддёргивал струны. Печаль охватила всех. Портреты поблекли, прекрасные дамы грустно глядели на театральный паркет. Только жрец в белых одеждах выделялся среди остальных, тусклых и поникших. Он распрямился, взглянул на короля и вновь подал голос:

Никто не знает, что нам суждено,
Ни первый, ни последний среди равных.
Как жизнь написано прожить, увы,

Ответить не способны даже божие послы.

На краю сцены появились два богато одетых путника. Дорожные плащи не могли скрыть роскошь их платьев. Жрец поклонился им, но, как только брови монарха опустились, поспешил объясниться:

Прошу, не гневайтесь, король,
Но всем соседям уж известны ваши нравы.
Один из них решил, что вам
Полезней лично встретиться с одной из дам.

Гости, как по команде, сбросили плащи. Всеобщему взору открылся золотой обруч — правитель соседней страны и его дочь. Актёры застыли на месте. Алистер зачарованно смотрел на прекраснейшую из живущих, на пленительную и загадочную девушку. Её лицо обрамляли золотые локоны, а кроткий взгляд и улыбка могли растопить самое чёрствое сердце.

Музыканты нежно перебирали струны. В каждом из них забурила молодая кровь. Они исполняли сонаты шуршащему платью, умилялись детскому румянцу и опущенным ресницам.

Прекрасную девушку закрыла фигура отца. Он почти-точно склонил голову. Среди пепельно-серых волос блеснула корона, напомнила о его статусе.

Прости, сосед, что так без спросу,
Без стука потревожил твой порог,
Но прелесть дочери моей не смог
Ещё никто объять холстом и краской.
Ты был мне предан и советом выручал,
Прошу тебя лишь и меня послушать.

Король едва слышал своего гостя. Он не мог оторвать глаз от девушки. Она, застенчиво краснея, украдкой поднимала на него взор, и сердце властителя билось сильнее.

Правитель соседней страны посмотрел на свою дочь, голос его дрогнул:

Отдам тебе я самый ценный дар,
Моих очей надежду и отраду,
Но больше принесёт усладу
Союз для наших королевств.

На сцене погас свет, музыка смолкла, и только луч прожектора освещал красавицу. Алистер придвинулся вперёд, гадал, что же решит властитель. Тот открыл рот, но язык не слушался. Слова не шли, пьянящая красота заморозила его. Её власть была сильнее монаршего слова, очаровала и подданных, и их короля. Он поднялся с трона, подошёл к гостям, встал перед девушкой на одно колено.

На лице красавицы появилась улыбка, заблестели слёзы. Она взяла властителя за руку, поцеловала его в ладонь. На

сцену выбежали дети в нарядах херувимов, начали бросать лепестки роз, запели песни. Оркестр заиграл вальс. В медленном танце ангелы кружились вокруг влюблённых.

Послышался лязг металлических шестерёнок, скрипнули половицы. Сцена повернулась по часовой стрелке. Алистер не верил своим глазам. На смену замку пришёл сад: корни могучих деревьев вздыбливали и рвали пол; кроны уносились вверх, сплетались, образуя арку. В откуда-то появившихся кустах запели птицы, зал наполнился ароматом сирени. Природа блестяще играла свою роль, не желая уступать бутафорским задникам.

Появились первые гости: знать из соседних королевств, купцы, банкиры. Из-за кулис выглядывали чумазые дети, в толпе то и дело звучала незнакомая речь. Поддавшись слухам, многие приехали издалека — хотели своими глазами увидеть прекрасную невесту.

Оркестр грянул с новой силой. На сцене показался жрец. Он сделал знак рукой, и разговоры стихли. Началась церемония. Вышел правитель, следом — его избранница. Люди ахнули, поражённые её грацией. Белое платье обтягивало молодую фигуру, лицо скрывала вуаль. Невеста медленно плыла по деревянному помосту. Худенькую ладонь девушки сжимал её отец. Он подвёл будущую королеву к алтарю, вложил её руку в руку монарха. Властитель словно помолодел при виде своей избранницы: на лице его выступил несвойственный сану румянец, глаза заблестели. Он взглянул на

невесту, приложил руку к груди:

Клянусь беречь тебя от всех невзгод,
Клянусь быть верным, пока бьётся моё сердце.
Клянусь всю жизнь быть для тебя опорой,
Отрадой в горестях, защитником в беде.

Король привлёк к себе новую королеву и поцеловал. В зале раздался хлопок: разливали шампанское, поздравляли молодожёнов. Алистер огляделся — все места были заняты. Он и не заметил, как появились другие зрители. Во мраке не было видно лиц, только едва различимые силуэты.

Вдруг из темноты появилась белая перчатка. Незнакомая рука протянула бокал. Алистер хотел взять его, но не успел. Стекло треснуло, осколки посыпались на пол. Пока Алистер растерянно осматривался, сцена вновь сделала оборот.

Радостные возгласы стихли. Померк свет, воцарилась тишина. Вместо буйных деревьев взору предстали серые стены. В узком окне белела луна. За столом сидел властитель. Возле него — королева. Молодожёны ещё не верили в случившееся: их нежные объятия то и дело сменялись жаркими поцелуями.

Проси, что хочешь, ты, очей моих улада,
Мне для тебя не жалко ничего!
Поклялся в верности тебе я навсегда,
Властителя законом будет моё слово.

Королева взяла правителя за руку. Тонкие губы подёрнулись в улыбке, на глазах выступили слёзы.

Прошу тебя, мой государь!
Одно так гложет моё сердце.
Всех братьев я оплакала в войне,
Отец один остался и безвольно сдался.
Прошу о мести я, о почестях для павших...

Король вмиг нахмурился: он отпустил руку своей жены, принялся ходить кругами. Прислушиваясь к мерному звуку сапог, зрители напряжённо ждали его решения.

Чужими жизнями я не могу распоряжаться,
От войн хочу сберечь отчизну, только и всего.

Королева не дала ему закончить, вскочила с места. Гнев исказил её красоту. Красавица покраснела, а по щекам побежали слёзы.

Неужто для тебя слова — пустое место?
Ведь наши королевства стали как одна семья!
Ведь мой отец пророчит тебе своё кресло.
Неужто подданных страдания не трогают тебя?

Не дожидаясь ответа, она закрыла лицо руками и выбежала из покоев. Следом за ней поблекли краски, потускнел

свет. По залу пронесли тяжёлые вздохи. Король остался один.

Он взял бутылку вина, кубок, встал на винтовую лестницу. Сцена двинулась. Пол уходил под землю, на смену старым декорациям сверху спускались новые. Вместо каменных стен показались полки и стеллажи, тусклым светом мерцал камин, а в резном окне открывался вид на ночной город.

Прожектор осветил монарха. Он так и стоял на лестнице, не обращая на трещащий механизм никакого внимания. На лице его застыла печаль. Он будто состарился на десяток лет...

Потеснив ворох бумаг, правитель поставил бутылку на стол. Глухо выскочила пробка. Он отпил из кубка — взгляд упал на стопку донесений. Сургучные печати украшали родовые гербы, а сверху лежал конверт с изображением короны.

Монарх сломал печать и развернул бумагу. Покрасневшие глаза бегали из стороны в сторону, читая строчку за строчкой. Настроение короля переменялось. В гневе он откинул бумаги и принялся шагать вдоль стеллажей.

Министры, генералы и моя жена...

Все как один твердят о страшной доле:

Дай слово, и развяжется война.

Хотят людей обречь на смерть по моей воле...

Властитель остановился перед бюстами своих предше-

ственников: на него глядели предки, буравили взглядом, осуждали за пылкий нрав. Их горбатые носы склонились вниз, напоминали хищных птиц, высматривающих сверху добычу.

Что смотрите вы так
Из-под бровей лохматых,
Тщеславием от вас сквозит, но вы мне не указ!
Над королём стоит лишь божий глас!

Он взмахнул рукой, и вино покрыло красными пятнами мантию, но правителю не было до этого дела. В порыве ярости он отбросил кубок, схватил каменную голову и поднял перед собой.

Мой прадед, ты,
Кого народ прозвал «Завоеватель»!
Неужто думаешь, что я слабак?
Считаешь, что мечом я не владею?!
Нет, ты увидишь! Врагов своих я одолею!

Бюст с грохотом упал на пол, застывшее лицо пошло трещинами. Король метался по комнате, что-то неразборчиво бормотал, угрожающе вознося кулаки к небу. Наконец, усталость взяла своё. Он упал в кресло и заснул в предрассветных сумерках.

Сначала смолкли духовые. Затем дирижёр приложил па-

лочку к губам — затихли и струнные. Погас свет. И только тихий смех напоминал о неотвратимости судьбы.

Алистер испуганно огляделся: он не мог понять, откуда доносился этот смех. Он обволакивал его со всех сторон: вроде шёл со сцены, а вроде звучал за спиной, шёпотом разносясь с дальних кресел зрительного зала.

Загремели трубы. Лязгнули цепи замковых ворот. От неожиданности Алистер подскочил на месте, за ним проснулся и король. Луну сменило солнце, монарх потирал больную голову, смотрел на пустую бутылку. В покои вошёл гонец. Он жадно хватал ртом воздух, в руке держал донесение: мятый конверт был весь в пыли, один угол обagrён кровью.

Простите, ваша светлость, дерзость,
Случилась новая напасть:
Чудовище пришло на наши земли,
Дома с заходом солнца страшно покидать.

Властитель ударил кулаком по столу, вскочил от негодования. Глаза его горели огнем.

Несчастливая моя страна!
Нет! Я не дам тебя в обиду!
Поднимем копья, защитим людей!
Сейчас же выдвинемся в путь,
А ты, гонец, покажешь нам дорогу.

Вслед за посланником король выбежал из покоев. Затрещало колесо, сцена повернулась. Замок исчез. На помосте появились городские ворота, возле которых уже ждал вооружённый отряд. Кони недовольно косились на зрителей, верный паж помогал правителю влезть в седло. Монарх помахал встревоженной жене, опустил забрало.

Войско, подняв копыта, двинулось в путь. Вместе с ними двинулась и сцена. Платформа закрутилась под лошадиными копытами, доски прогибались под весом латных доспехов, рыцари напряжённо глядели вдаль. Луна сменяла солнце и вновь уступала ему место — всадники шли несколько дней. С каждым ударом подков помост заволакивала белая дымка.

Алистер напряг глаза, стараясь не упустить людей из виду, но туман окутал всю сцену. Повеяло холодом. Порыв ветра растрепал волосы, рассеял пелену. В зале раздался удивлённый ропот.

Сцену покрывал ковёр из мха, вдалеке заквакали лягушки. Рядом с чахлыми деревьями стояла хижина: двери нараспашку, на земле разбросана деревенская утварь. Алистер забеспокоился: опустевшее жилище предвещало скорую бурю. Его страх, казалось, передался и воинам: они спешили, оставили лошадей возле кулис, растерянно жались друг к другу. Кроме прибывшего войска, вокруг не было ни души.

Секунда шла за секундой... Тишина. Только протяжно завывала скрипка. Солдаты с сомнением смотрели на короля,

ожидаю приказа. Никто не решался броситься вперёд по собственной воле. Монарх подошёл к подданным, взмахнул рукой. Из ножен показались мечи, блеснули доспехи — двое зашли в жилище. Лошади недовольно фыркали, переступали с ноги на ногу, беспокойно водили ушами. Скрипка заиграла выше. Алистер затаил дыхание...

Из жилища донёсся зловеший смех, раздались крики. Истекающие кровью рыцари выбежали наружу, остальные в страхе попятились к лошадям. Король был единственным, кто сохранил рассудок, он схватил факел, бросил его на соломенную крышу. Она тут же вспыхнула: жёлтые языки пламени облизывали перекрытия, поднимались над сценой.

Хижина почернела, расплавилась тёмным воском. Из вязкой черноты потянулись тонкие нити. Они вплетались в доски, опутывали деревья, сплетаясь в зловеший силуэт. Тьма обретала форму чудовища. Вместо головы — рогатый череп, в глазницах полыхало пламя дьявольских глаз. По залу пронёсся страшный вой.

Вдруг огонь, словно задохнувшись, погас. Воины бросились на врага. Из темноты появились крючковатые пальцы, рассекли воздух. Брызнула кровь.

Алистер вжался в кресло. Кровь? Тела катились со сцены, падали вниз. На лицах актёров застыл ужас. Одно чудовище схватило за ногу, хищно раскрыв пасть, готовилось вот-вот проглотить. Всё было по-настоящему. Алистер попытался встать, но с соседних мест к нему устремились бе-

лые перчатки. Они вжали его в кресло, не давая подняться. Он попытался закричать, остановить представление, но его опередили и тут: грубая ткань, словно кляп, заткнула ему рот. Алистер стал невольным наблюдателем этого кошмара.

Представление продолжалось. Один за другим рыцари падали замертво, но чудовище никак не могло насытиться человеческой плотью. Храбрый правитель метнул копье, засветив, оно пронзило монстра, пригвоздило его к деревянному помосту. Властитель вытянул меч, бросился к раскрытой пасти чудовища, но вместо клыков из неё показался змеиный язык.

Среди людей не видел я такой отваги,
Ты храбр для смертного, я это признаю.
Шепни мне, что желает твоё сердце,
Достойный короля подарок сотворю.

Рука монарха дрогнула. Меч завис в воздухе.

Нет!
Мне не надо ничего!
Таких, как ты, я не встречал, но сердце мне шепнуло:
Очнись, не будет от него добра!
Убей его, спаси отчизну, избавь своих людей от зла!

Смех волнами прокатился по залу. Алистер чувствовал, как, повинаясь чужой воле, губы разошлись в улыбке, а внут-

ри зрел беспробудный страх. Он терял контроль над собственным телом, подпадал под власть чудовища.

Для человека ты не глуп, но ты меня послушай,
У каждого в душе сидит изъян, и он,
Взращённый страхом и тревогой,
Поднимет даже смертного над Богом.
Не смогут предки насмехаться над тобой,
Потупят взоры пред величием властелина.
Враги твои падут, склонятся,
А люди будут воспевать и поклоняться.
Ты сделал шаг, дал слово, что сжирает твоё сердце,
Зачем теперь так хочешь всё вернуть назад?
Освободи меня, и там, где упадёт твой взгляд,
Проложит линия границ твоих владенья.

В руке монарха блеснул меч. Алистер следил за каждым движением властителя, молил его о спасении. Чудовище замолкло. Сквозь черноту его тела проступили бюсты из королевской библиотеки. Их лица превращались в хищные гримасы, кружили вокруг монарха, недовольно смотрели на него свысока. Вновь и вновь правитель замахивался, чтобы ударить, но каменные рты злобно шептали:

— Слабак! Ничтожество! Самозванец!

Распалённый яростью, властитель обрубил чёрные нити. Каменные головы полетели на пол, мутными лужами утекли в щели половиц. И тут возникла она — из вязкого мрака по-

явилась грациозная фигура. Чёрное атласное платье спадало до пола, длинный шлейф уносился во тьму, а лицо скрывала вуаль. Она взмахнула руками — из-под рукавов показались словно вылепленные из чёрного воска ладони. Тёмный образ королевы. Чудовище заговорило женским голосом, слова эхом разнеслись по залу:

Неужто для тебя слова — пустое место?
И клятве верность для монархов не важна?
Ведь мой отец пророчит тебе своё кресло,
Поддайся, и удачи ждёт нас полоса.
Для нас на небе засияют звёзды,
Опустят предки пред тобой глаза,
Величье подвигов твоих сомкнёт им навсегда уста,
И всей земли ты станешь властелином.

Властитель упал на колени, из глаз потекли слёзы. Даже мимолётный образ возлюбленной вскрывал старые раны. Ладонь разжалась — меч выпал из рук, лязгнув, ударившись о сцену. Королева подошла к монарху, погладила его, оставив на щеке чёрные разводы. Он потянулся к возлюбленной, но та отстранилась. Восковые пальцы взяли правителя за руку, потянули за собой: туда, где чудовище было пригвождено копьём. Властитель вырвал его, отшвырнул в сторону, притянул к себе девушку. Чудовище оскалилось в улыбке, чёрным туманом рассеялось по сцене. Вместе с ним исчезла и королева. Рядом лежали неподвижные тела соратников. Тьма

развевалась. Всё стихло.

Алистер не сразу понял, что бой окончен. Монарх стоял на месте. Перед ним лежал его меч.

Вдруг среди груды тел раздался сдавленный кашель. Король бросился к раненному воину, но тот уже испустил дух. В груди зияла глубокая рана — чудовище забрало и его. Властитель уставился на обагрённые кровью руки, обернулся на тела павших соратников — в живых не осталось никого. Он схватился за голову, дал волю чувствам:

О Боже, что же я наделал!

Врагов так много, что не выдержит и сталь.

Осталось уповать на небо иль ту неведомую тварь.

Ответом была тишина. Монарх закрыл юноше глаза, хотел сложить ему на груди руки, но кулаки воина не разжимались — погибший изо всех сил вцепился в грязную тряпку. Правитель с трудом разжал его пальцы и увидел в руках юноши знамя — символ страны, за которую тот умер, символ королевства. От гнева властитель нахмурил брови, челюсти сжались. Монарх поднял свой меч. Клинок устремился к потолку, а в другой руке он так и держал окровавленное знамя.

Вы все погибли за меня, а скольким суждено остаться

В полях сражений без начала и конца.

Нет! Не могут ваши смерти быть напрасны,

Даю вам слово верного отца.

Занавес опустился. Зал погрузился во тьму. В тишине лязгнула сталь, призывно завывли трубы. Война. Со сцены донесли крики:

— Нет, стойте! Прошу...

Кто-то взвыл от боли, но звук тут же оборвался — смерть не щадила никого. Стоны доносились со всех сторон. Люди, отдавшие жизнь за короля, жертвы чужого выбора... Алистер хотел закрыть уши, но чёрные тени не давали пошевелиться, желали, чтобы он слышал.

Заиграл победный марш, занавес раздвинулся. На сцене лежали горы трупов. Кровь залила всё вокруг: пол, стены, каждого, кто находился на сцене. Раненых уносили за кулисы, а через мгновение возвращались за новыми. Груды обезображенных тел сбрасывались в одну большую гору, на вершине которой пировали жирные вороны.

Алистер застыл от ужаса. Он не хотел, нет, не мог верить, что это — живые люди. Он видел, как птицы выклёвывают глаза, а калеки пытаются отыскать отрубленные конечности... Смотрел и не верил — искал оправдания, разгадку, но разум не находил логики.

Издали слышалась барабанная дробь, на сцене выстроились солдаты, закрыли собой тела. Из строя вышел юноша, совсем ребёнок, но на доспехах уже алели следы крови. Одна рука перевязана, в другой — штандарт.

Кровавыми боями нам досталась честь,
Враги устлали поле брани,
Останков на земле не счесть,
Но вновь и вновь удача была с нами.
Теперь наш враг разбит, повержен неприятель,
Столица под осадой, реет новый флаг,
Лежит в грязи чужое знамя,
На встречу к королю бежит и стар, и млад.

Солдаты разошлись. Барабаны стихли. Сцена сделала оборот. Показались знакомые стеллажи с книгами. Библиотека. На корешках книг чернели следы от человеческих рук, на полу такие же чёрные следы сапог. Правитель стоял спиной к зрителям, глядел в окно. С его рук стекала чёрная слизь, на голове блестел золотой обруч. Он смотрел вдаль, наблюдал, как разгорается зарево — ещё одна победа его солдат.

Сбылись слова: я первый среди равных,
У ног лежит богатство всех земель.
Враги целуют руки, подданные любят,
Из камня высится мой грозный лик.
Чудовище не вралю, но теперь
Уже не важно, кто на троне правит.
Свои обеты я...

Нарастающий шум оборвал короля. Люди приветствовали своих воинов: взрывались фейерверки, раздавались восторженные лозунги. Властитель подошёл к винтовой лестнице.

Сцена вновь двинулась, а на смену ей пришёл тронный зал. В центре, покорно опустив взгляд, стояли правители соседних стран. Они держали в руках короны, признавая неоспоримую силу нового монарха. Дубовые двери отворились — стражники ввели ещё одного. Они поставили его на колени, корона спала с поседевший головы, а из носа потекла кровь. Это был отец королевы. На четвереньках он подполз к трону, поцеловал протянутую ладонь.

Рыцари подняли его под руки, отвели к остальным правителям. К трону поспешили подданные: развернулись длинные свитки указов, застучали счёты. Придворный советник что-то нашёптывал властителю на ухо, но тому не было дела — он смотрел на пустой трон королевы. Тень от её кресла вытянулась, приняла очертания чудовища, нависла над монархом. Чёрные капли упали на золотую корону.

Раздался леденящий душу смех. Волнами он расползлся по залу, проникал в каждый уголок, а в ответ ему звучал тихий перезвон. Десятки тонких струн задрожали от страшного звука, заблестели под светом прожекторов. Только сейчас Алистер заметил их: чёрные нити тянулись к зрителям, оплетали зал, покрывали механизмы, которые приводили сцену в движение. Нити касались и людей, заставляя их шевелиться, соединяли всё в единое целое — чудовище было полноправным владельцем этого театра и его самым главным актёром.

Страх волнами накрывал Алистера, но, как ни странно, это придавало ему сил. Животные инстинкты проснулись:

Алистер изо всех сил забился в кресле, пытался вырваться из невидимых пут, не желая быть марионеткой. Тщетно.

Тонкие иглы впились в кожу, пригвоздили к сиденью. Затылок пронзила боль. Ему казалось, он чувствует предсмертную агонию всех людей, с которыми он сливался в одно целое. Он больше не понимал, кто он: случайный свидетель этой игры или её часть... Оставалось надеяться, что монарх разорвёт порочный круг, освободит его. Алистер видел, как чёрные лапы касаются короля, видел его покрасневшие от бессонных ночей глаза, смотрел и молился о спасении.

Чудовище высунуло змеиный язык, склонилось над самым ухом властителя. Дьявольские глаза вперились в Алистера, их взгляды встретились.

Король не мог ни есть, ни спать.
Он горевал о той, чьё тело в склепе запечатал.
Забыл обеты, судьбы умерших людей,
Но в тронном зале пробил час расплаты.

Из чёрного нутра чудовища показались песочные часы. С силой оно повернуло их. Наполнив одну ёмкость, песок сразу же пересыпался в другую.

Часы вновь дали ход проклятью,
Король дряхлел на троне, а в стране
Всё чаще в кабаке звучали пересуды,
Когда придёт конец очередной войне.

За окном сменялись день и ночь. Декорации ветшали, покрывались паутиной. Тускнели полотна, ржавели доспехи. Вместе с замком старел и его хозяин. Волосы поседели, морщинами растрескалось лицо. Тело усохло. На серой коже проступили голубые вены. В ужасе Алистер взглянул на собственные руки — пальцы сморщились, ногти пожелтели. Он старел вместе с властителем и его замком.

Прошли года, летело время,
А вместе с ним погасла зренья острота.
Былые королевские владения
Опять залила волнами вражда.

Ударил гром. На голову упали капли дождя. Побеждённые правители один за другим вставали с колен. Из-под пурпурных мантий показались клинки. Постаревшие, они не утратили былой ярости, не забыли старые обиды. Правители скрестили мечи — теперь у них был общий враг.

Прожекторы светили красным, вновь завывли трубы, из-за кулис высыпали солдаты. Десятки тел падали к ногам короля. С каждым убитым чудовище всё сильнее обволакивало правителя чёрной пеленой, подчиняло своей воле.

Болезнь подстерегала остальных, роилась среди улиц,
Никто не смел и носа сунуть за порог,
От трупов в воздухе воняло гнилью,

Разбойники скрывались у дорог.

Огромные носилки были завалены покрытыми язвами телами. Мёртвые и ещё живые. Последние пытались выбраться, но тщетно. Властитель лишь недовольно морщил нос, отпихивал носком сапога полусгнившие людские конечности. Трупы больше не пугали его. Они были его подданными, готовыми отдать жизнь по его указу — сами избрали такую судьбу. В зале поднялся ропот, среди теней слышались разговоры, то и дело раздавались недовольные крики.

— Ты виноват! Ты!

— Ты обрёк нас на смерть!

Король не отвечал. Слова, казалось, не трогали его, обращались к тому, кем он был когда-то. Сидя на троне, он напоминал высохшую оболочку самого себя. Седой старик среди мёртвых тел. Только иссохшееся лицо выглядывало из-под вязких сгустков черноты. За спиной появилась словно сотканная из тьмы рука. Когтистые пальцы устремились вверх, и тело монарха вскочило с трона, повинувшись невидимому кукловоду. Старик уже не мог сам стоять: человеческая оболочка сторбилась, обвисла. Глаза не видели, руки растерянно шарили в темноте, ища опоры.

Тени вскакивали со своих мест, кольцом окружали правителя. Чёрные силуэты принимали образы его воинов: больные, обездоленные, искалеченные ветераны прошедших войн. Они бранили его, пинали — каждый хотел отомстить

за потраченную впустую жизнь. С короля сорвали мантию, повели вдоль сцены. Повернулся деревянный помост, показались ступени, блеснуло холодное лезвие. Эшафот.

Вокруг уже ждала толпа: обезображенные, исковерканные горем люди. Слышался пронзительный плач ребёнка, а в углу перешёптывалась знать. Весь город собрался посмотреть на казнь.

Опутанный чёрными нитями старик поднялся по деревянным ступеням. Толпа взвыла:

— Долой монарха! Прочь!

Чудовище махнуло рукой — седой правитель поднялся наверх, встал на колени. Золотой обруч упал с его головы на землю; взгляд потух, король превратился в марионетку злого рока. Только рваные лохмотья выдавали его бывшее величие.

— Убить его!

— Это всё из-за него!

Властитель склонил голову. Захлопнулись кандалы. Из нутра чудовища появился сотканный из тьмы палач. Оркестр замер. Только зловещий смех раздавался в зале. Сверкнуло лезвие — толпа взревела от восторга. Голова отлетела на пол, покатилась по сцене. Уставшие глаза сомкнулись, а на лице появилась блаженная улыбка. Подхваченные нитями люди выстроились перед залом, согнулись в поклоне и замерли. Чёрный кукловод отпустил нити и вышел вперёд, представ всеобщему взору.

На место короля пришёл другой,
Владения вернулись вновь к своим границам,
Но до сих пор младенцам не даёт заснуть
Телеги трупной звон возницы.
Пороки людям не чужды,
И каждый платит свою цену,
Но только королям даны
Расчёты в жизнях подданных страны.

Зал погрузился во мрак. Зрители исчезли вместе с декорациями. Исчез правитель неведомой страны, исчезли окровавленные тела, исчезли обветшалые колонны. Опустился занавес, воцарилась тишина. Представление закончилось.

Алистер неподвижно сидел на своём месте. Голова его безвольно упала на плечо, по подлокотникам стекала чёрная слезь. В темноте раздался стук каблуков. Клэр подошла, села рядом.

— Прости, что задержалась. — Она чмокнула его в щёку.
— Я много пропустила?

В полумраке задрожало пламя газовых ламп, блеснули чёрные нити. Голова Алистера тут же поднялась, качнулась из стороны в сторону. Нити вздёрнулись вновь — и его губы расползлись в зловещей улыбке. По человеческому театру разнёсся раскатистый смех.

— Ты как раз вовремя, — ответил Алистер. — Самое интересное только начинается.

Ничего

Праздничные огни обрамляли улицу: гирлянды обвивались вокруг столбов, тянулись вдоль дороги до главной площади. Там, под еловыми лапами, укрылся небольшой каток. И всё же уличной иллюминации было далеко до магазинных витрин: манекены отыгрывали сцены ужина, мчались на лыжах или просто стояли за стеклом в красивых позах. Были и абсолютно голые: они покорно раздевались, отдавая оголтелым покупателям последний размер — до праздников оставалась всего пара дней.

Питер спешил навстречу декабрьскому ветру. Он уже всё купил, оставался только подарок для жены. Её горящие от нетерпения глаза уже пару дней не давали ему покоя. Эмма ждала праздников и, наверняка, приготовила сюрприз, а Питер вновь застрял в адвокатской конторе. «Лучше что-то, чем ничего», — здраво рассудил он и поплотнее запахнулся в пальто.

Взгляд остановился на крошечной лавке с пустыми витринами. Казалось, это место закрыто, но на двери висела табличка: «Заходите, двадцать четыре на семь». Дверь скрипнула, Питер сам не заметил, как очутился внутри.

Лавка оказалась ещё меньше, чем снаружи: всего пара полок и прилавков, больше ничего. За кассой стоял бородатый мужчина — на вид лет сорока — и приветливо улыбался:

— Добрый вечер, чем я могу помочь?

— Хотел узнать, что вы продаёте? У вас... витрины пустые, — растерянно произнёс адвокат.

— Почему же пустые? Всё на месте, — спокойно ответил продавец.

Только тут Питер заметил, что на полках действительно стояли белые карточки с ценами. Наименований товаров не было, только стоимость. Между ценниками оставалось пространство, будто невидимые предметы имели свой размер.

— Как же на месте, если там ничего?

— Вы правы. Мы продаём «ничего».

Адвокат напрягся. Он не понимал, шутит продавец или нет.

— Ну... — протянул Питер, — допустим так. Зачем мне платить за «ничего»?

— У «ничего» есть много плюсов. Оно не занимает места, его не нужно протирать или чинить — это «ничего». Вы получаете чистое удовольствие и никаких проблем. Разве это не то, что всем, в конце концов, нужно?

— Но это даже не что-то материальное, — попытался парировать адвокат, — ведь я ничего не получаю взамен, просто даю вам деньги. Это больше похоже на благотворительность.

— Так уж совсем ничего? — ехидно улыбнулся продавец. — Неужели вы настолько бессердечны, что не чувствуете радости от помощи ближнему или гордость от выполненного

долга?

Адвокат почесал затылок. Перед ним явно был опытный собеседник, а самого его мысли завели в тупик. Продавец подытожил:

— Попробуйте сами. Вы всегда можете вернуть покупку, предъявив чек, хотя для нас это большая редкость.

Повисла пауза. Питер задумался, переваривая эту информацию. Продавец внушал доверие, а маленькая лавка, казалось, уносила его прочь от забот и тревог. К тому же, времени не осталось, нужно было срочно что-то купить. Адвокат отбросил сомнения и потянулся за кошельком.

— Мне нужен подарок жене.

— О, она будет в восторге, — блеснули на миг глаза продавца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.